

Кн. 107

Новый журнал

Июнь
1972

НОВЫЙ Журнал

107

THE NEW REVIEW

**THE
NEW REVIEW**
Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

Тридцать первый год издания

А. М. РЕМИЗОВ

НАЧАЛО 50-х ГОДОВ

1. Тристан

Я поднималась по лестнице на второй этаж. В углублении направо дверь со знакомой бумажкой: висит зеленое и поет... («зеленое и поет» — да как же иначе? Раз зеленое, значит поет, — писал Алексей Михайлович.)

Подходя к двери, я часто думала как-то я застану Алексея Михайловича? Звонила условленным звонком — один более протяжный, и два коротких — и ждала прислушиваясь. Слабый звук шагов приближался. Слегка шаркающий, тихий и мерный. «Значит, все хорошо». Сколько лет еще буду слышать эту привычную еще бодрую и крепкую поступь?

А. М. открывал дверь, и я входила в темноватую переднюю. Сразу охватывал особенный запах этой квартиры: сгущенный запах табака и старых книг. А. М. оглядывал меня, угадывая выражение моего лица, и говорил что-нибудь шутовское и ласковое: «Вы пришли, как монашек с веточкой... какой на вас халатик!» и уже непременно: «о вас такой-то справлялся». Мы медленно шли рядом по длинному корридору. А. М. расспрашивал про моих домашних, про дела, потом обстоятельно рассказывал о том, что произошло за последние дни, о своем здоровье, о том, что его волновало или веселило, всегда одинаковым тихим и убедительным тоном, все равно, о каком-нибудь пустяке или о чем-нибудь важном.

Войдя в кукушкину, я расставляла принесенные цветы. «Полевые-» с нежностью говорил А. М. Но он любил и садовые, яркие, видные для его слабеющих глаз. А. М. садился в свое деревянное кресло у стола, курил, стряхивал пепел, на что-нибудь непременно жаловался и улыбался. В то время он носил малиновую бархатную куртку — подарок моей сестры Ариадны (Ауки), привезенный из Америки. Я разглядывала

разукрашенные «конструкциями» стены, письменный стол с привычными вещами. Лампа, Фейерменнхен, жестяная коробка с табаком. В нее привычным движением пальцев, Алексей Михайлович ссыпал табак от окурков для какого-то русского, жившего в «русском доме» (дом призрения для стариков), пепельницы, нелепое черное пресс-папье — голова негра, принесенное дядей-Комаровым, деревянные, сделанные ловкими руками Емельянова коробочки с перьями и подставка для календаря, мундштуки, тетради-рукописи, над которыми сейчас работал А. М., и рисунки. Почерк тогда еще был твердый и красивый. Но Алексей Михайлович уже не писал затейливой вязью, а просто и четко выводил буквы. И линии рисунка чертил крепким и уверенным штрихом.

Это были счастливые годы. После тяжелейшего гриппа зимой 1950-1951 года, здоровье А. М. восстановилось. Он еще довольно хорошо видел и дышал без «задоха». И, главное, был полон творческих сил и подъема. В голове у него было несколько задуманных тем на будущие годы: *Достоевский до каторги*, *Шестидесятники*, *Русские революционеры*. Он задумывался над ними и постепенно подготавливал материалы.

Мы скоро переходили к «порядку дня» — к очередной работе. Работы было много, и Алексей Михайлович всегда торопился. Надо было ответить на письма, переписка была большая: редакции русских изданий и газет, друзья из Америки, их было много. Письма из Парижа и Франции, из Германии и других стран. А. М. всегда и сразу отвечал на письма. У него была привычка поздравлять знакомых писателей с литературными успехами, премиями, избранием в Академию, близких знакомых — с именинами, он все помнил. Я часто писала под его диктовку.

Много времени занимало составление и подготовка к печати книг и корректура. При составлении своих книг А. М. часто пользовался уже напечатанными в газетах или журналах произведениями. Мы вырезали тексты длинными ножницами и наклеивали их на белые листы бумаги, нумеровали страницы и делили на главы. Страницы газет и журналов, обрамлявшие рассказы с поставленными датами, уничтожались. Поэтому теперь очень трудно составить точную библиографию Ремизова и установить время написания и появления в печати его произведений. Сам Ремизов считался только с датой выхода

книги, иногда состоявшей из частей только что написанных, рядом с другими, уже давно появившимися в разных углах земного шара; где только были группы русских эмигрантов, издававших недолговечные журналы, А. М. непременно посылал что-нибудь.

Затем мы переходили к чтению материалов для подготовлявшихся произведений. В эти годы А. М. занимался легендами разных стран и народов, составляющих вечное достояние человечества. А. М. всегда интересовался легендами. Он говорил, что легенды подобны снам человечества, что в этих снах-преданиях сохраняется память прошлого. «В легендах я чувствую несравненно больше живой жизни, чем в исторических материалах» (*Мышкина дудочка*). «Знание, как итог только фактов, не может дать исчерпывающего представления о живом человеке, в протокольном знании нет живой жизни. Только бездоказательное, как вера, источник легенд, оживит исторический документ, перенося его в реальность неосязаемого мира». «История человечества — история человеческого вдохновения, упований — ее можно представить как зарождение, борьбу и смену мифов: миф о божестве, миф о свободе, миф о любви». (*Огонь вещей*).

Источники легенд: легенды кочевали, переходя из страны в страну, прежде чем попасть в Россию. В послевоенные годы, заинтересовавшись, с точки зрения языка, «языком стряпчих», сохранившимся в судебных протоколах 17-го века, А. М. углубился в изучение этой эпохи. Он задал себе вопрос: чем же, кроме книг религиозного содержания, жила в то время читающая Россия? И натолкнулся на легенды, разными путями попадавшими в Россию. Изучив их по источникам и вариантам, Ремизов переписал их своими словами «на свой глаз и свое ухо», через свой опыт и свою жизненную философию.

Повесть о двух зверях — первоисточник повести — древнейшее санскритское пятикнижие Панчатантра. «Каждый век, каждая редакция — пишет Ремизов — представляет себе Ихнелата (он же шакал Димна или Даманаки) по-своему, и меняется обстановка: современность. От арабского «шакала» 8-го века в греческой версии 11-го века и звания нет. Ихнелат очеловечивается, а я его представляю себе человеком среди «шакалов», что куда ближе к древнейшему замыслу Панчатантры». Столкновение человеческих страстей. Заносчивая гор-

дость и глупость вызывают обиденность и обиду. «Три силка на душу»: малодушие, легковёрность и, главное — страх. Человеческое слово — большая сила. Но куда она направлена? Нужна мудрость, а не хитрость. «В правде — говорит Ремизов — тихость, кротость, милосердие».

Мелюзина — французская повесть 12-го века. Вечный вопрос о любви и вере. Способен ли человек любя верить безоговорочно, — несмотря на всё? «Из Мелюзины вышел хоровой сказ» — пишет А. М. в письме к моей сестре Ариадне. Действие Мелюзины проходит под голос хора, подобно античной трагедии. Тема судьбы часто присутствует в произведениях Ремизова. А. М. углублялся в стихию трагедии, перечитывал Эсхила, Софокла, Еврипида. На полях писем того времени рисовал фигурки Ифигении и ее сестры. Работая над Мелюзиной, А. М. с большим увлечением рисовал, альбом за альбомом, его окрыляло сознание, что его творчество, при всей сложности, доходит до людей и вызывает восхищение. Начиная писать что-нибудь новое, А. М. сразу иллюстрировал задуманное произведение — Повесть о двух зверях, Мелюзина, Брунцвик, Бова, Тристан и Изольда.

Над *Тристаном* Алексей Михайлович работал с особенным волнением. Он не ограничивался чтением материалов и различных вариантов легенды о «разлучённой неразлучной любви». Он глубоко переживал стихию кельтского мира, старался увидеть не только героев, но и окружавшую их природу и быт. «Вы представьте себе, ведь рыцари и Тристан часто ходили и во дворце королей также».

У меня хранятся альбомы с замечательными иллюстрациями Ремизова к Тристану. На отдельном картоне лицо Тристана, оно пронзительно: в его печальных глазах вся насыщенность трагедии. Повесть была переписана 3 раза, одновременно заполнялись тетради с рисунками. Поражает их сила и темперамент. А. М. называл их подготовительной работой к написанию легенды.

Колдовство управляет судьбами королей и королев. Феи, друиды, воины и колдуньи: три вещей сестры — их имена: Скоттах, Уатах (она ужасная) и Айфе. Это они явились Макбету. Волшебство: серебряные ветки, яблоко судьбы, зеленый плащ феи, одной из тех «дамуазель», которые окутывали туманом чар странствующих рыцарей. Все это можно прочесть

в надписях под рисунками. «Только битвы и поединки — я пишу о них как по заказу. Это чуждо моей природе» — объяснял мне Алексей Михайлович.

Когда я открываю эти тетради и альбомы, я переношусь в те годы на улицу Буало. Летом окно открыто. Тяжелые занавеси, защищающие окно зимою, раздвинуты. В последние годы жизни А. М. любил солнце и охотно сидел и работал на солнце. Перед ним круглая чернильница, в нее Алексей Михайлович макает перо (старое стило) и пером или самой ручкой быстро проводит уверенную черту. Появляются головы рыцарей с крупными чертами лица, феи, вот и веточка с серебряными листьями и хрустальными бровками.

В августе 1951 года я была на океане, в тот год в Париж из Нью-Йорка приехали со своими семьями мои оба зятя, работавшие в ООН — Вадим Андреев, муж моей сестры Ольги, и Владимир (Бронислав) Сосинский, муж Ариадны.

Письмо А. М. ко мне от 16-8-1951: — «Дорогой мой девятикрылатый Наташа! Вы вспоминали о Тристане в бурю — это самое сокровенное, что есть в природе, голос бурного моря. И судьба Тристана не то ли? Любовь закатывается отчаянием и возникает снова, сокрушая — над всеми подголосьями волн.

Я не забываю о тексте, сейчас кончил о Шмелеве. Примечание к Брунцвику и хочу кончить Ноздрёва: рисую и пишу и вдруг чего-то понимаю.

Первый пришел Саша (Андреев) медвежонок и сейчас же поставлен на работу: развешивал белье и ходил около клея, из «Нового русского слова» вырезал о Горьком. Бегал за ветчиной и зелеными грушами. Я делал котлеты, следила Л. Н. Замятина, пришел Копытчик и читал о Шмелеве. Котлеты пережарились.

В воскресенье Аука — как хорошо она читает, даже выговорила без запинки — Серебряниковские бани. — Проверял с ней. Подмела пол. И я соблазнил попробовать ветчину, она отказывалась и незаметно подобрала, и пустую завертку я положил за окно. В понедельник Вадим — еще вырос и пострунел. Понедельник, едва нашел хлеб и к хлебу горошек. Слушал его рассказы из жизни. Во вторник Бронислав и Алеша, а потом Оля. Пили Порто. И за работу. Оля «воркотун» до 11-ти с Емельяновым. Бову Королевича, а Сосинские

— Горького. Меня очень обрадовало, что все было дружно и с желанием продолжать не отбрыкиваясь».

Несмотря на то, что я часто и регулярно бывала на улице Буало, у меня сохранилось много писем А. М. того периода. Они прежде всего говорят о творческом подъеме 76-летнего Ремизова, а также о его жизненности, о его напряженной воле, направленной на то, чтобы его произведения были напечатаны и увидели свет — «мое исступление» как характеризовал это свое чувство сам Алексей Михайлович.

Мы часами сидим не вставая за чтением. Я не должна пребывать ни вопросами, ни комментариями, ни смехом. Потом уже вопросы забывались, и теперь я очень жалею, что о том или другом не спросила Алексея Михайловича. Потом мы переходим на кухню пить чай. Я стараюсь мимоходом стереть пыль припрятанной тряпочкой со стола или с полок, так, чтобы А. М. не заметил — не полагалось «тратить время на такое». Но А. М. замечет всё, несмотря на свою «слепоту», которую он преувеличивает.

А. М. всегда работал. Чтение было для него работой, он никогда не читал просто так, для отдыха или развлечения. Читал он по задуманному плану — циклами, то, что в данный момент входило в круг его внимания и интереса. Он покупал много книг. Получая газету, прежде всего просил читать объявления книжных магазинов и подчеркивал заглавия интересовавших его книг, главным образом по литературоведению как нового, так и древнего периода. Всегда находились люди, аккуратно менявшие для него книги в библиотеке школы восточных языков. Кроме 17-го века, А. М. изучал литературу 19-го века. Делал выписки того, что его поражало, и, хотя бы в кратком изложении вводил в свои произведения — часто в виде литературных анекдотов. Может быть, с точки зрения чисто художественной, это было не нужно и тяжелило повествование. Кроме литературоведов, только очень немногих читателей интересовали второстепенные лица, когда-то игравшие роль в русской литературной жизни. Например в «Белоснежке» (*Подстриженными глазами*) рассказана ссора Швырева с гр. Бобринским. Кроме анекдотической стороны, в этом рассказе вставала актуальная в те послевоенные годы проблема русской патриотической чести перед лицом Запада. Гр. Бобринский предлагает на международную выставку послать

спину избитого, наказанного русского мужика. «Патриот» Шевырев бурно протестует. Можно ли русский позор выставлять на суд Запада? Между ними происходит драка. Тема была актуальная.

А. М. не считался с читателем, всё же, парадоксально, постоянно чувствовал обиду из-за своей «нечитаемости», о которой он постоянно и настойчиво писал. Французские критики первые отметили чисто поэтическую сторону Ремизова, и говорили о нем как о поэте. В русской критике я никогда не встречала отклика на поэтический элемент в творчестве Ремизова. И критики, и читатели, отдавая должное оригинальности и мастерству языка Ремизова, главным образом ставили вопрос о его понятности. С самого детства, еще бессознательно, я почувствовала и полюбила именно поэзию Ремизова. Впоследствии я всегда жалела, что А. М. в некоторых своих вещах как бы сам себе мешал отдаться этой поэтической стихии, загромождая свои произведения историко-литературными сведениями и анекдотами, забытыми и затерянными в массе исторических и литературных материалов. А. М. их выуживал и воскрешал, это его забавляло. Интерес, вызванный его открытиями у исследователей и любителей литературы, вряд ли оправдывал часы работы, чтения материалов мемуарного характера.

Ради находок языка А. М. прочел томы изданных протоколов судебных дел 17-го века. «Учусь языку» — говорил А. М. Конечно, при этом он сильно утомлял свои глаза. На это чтение и выписки уходили месяцы упорного труда, кропотливой бисерной работы. Но это было настоящей страстью коллекционера. Я обязана Алексею Михайловичу раскрытием личности и литературной деятельности моего деда, Елисея Яковлевича Колбасина, отца моей матери. А. М. полюбил его и говорил о нем, как о близком, знакомом ему человеке, всегда подчеркивая его необыкновенную доброту, внимательность и отзывчивость к людям (Тайная милостыня — *Письма Горького*).

После чая мы возвращались к письменному столу и работали до ужина. Часов в восемь мы шли на кухню и весело разговаривали, пока я готовила еду. Иногда бывали посетители, но редко кто-нибудь из них засиживался поздно. Мы кончали вечер вдвоем в кукушкиной, «вне времени и про-

странства» внешнего мира. Было тихо, мы откладывали работу. Тикали часы: круглый будильник на столе и кукушка, она мерно отсчитывала мгновения, изредка с шумом распахивала дверцы и громко куковала. Мне казалось иногда, что время оставалось в этой комнате с ритмом часов и украшенными серебром стенами при нашей тихой беседе. Стрелки будильника переходили с девяти на десять. Половина одиннадцатого. Невольно желая удержать меня подольше, А. М. задавал вопросы, говорил о спешных делах, о планах занятий. Иногда что-нибудь рассказывал о прошлом. Я оглядывала стол, все ли на месте? Приготовляла постель, если было холодно, приносила «брусничное» одеяло из другой комнаты. Наконец мы прощались. «Идите тихо...» Я спускалась по лестнице, шла по слабо освещенной улице Буало. На площади Микель-Анж остановка автобуса 62 на тротуаре возле кинематографа. Подымая голову, я глядела на нежное парижское небо, зимой через сеть голых веток платанов, а в короткий праздник лета, сквозь узоры листьев. Подходил автобус. Знакомый маршрут, те же улицы и магазины со спущенными железными шторами. Улицы были пустынно и тихи. Я поздно возвращалась домой.

Н. Резникова